

Автопсихологизм героя
в современной русской и немецкой прозе
(на материале произведений Р. Сенчина и Кр. Крахта)

Мария В. Ларина

*Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского
Санкт-Петербург, Россия, m_larina@yahoo.com*

Аннотация. В статье рассматривается проблема границы между художественным вымыслом и реальностью, которая в новейшей литературе подчеркнута условна. На этом фоне постоянно усложняются взаимоотношения автора и героя. Писатель не только создает текст, но и становится частью собственной мифологии, внутри которой функционирует автопсихологический герой. Подобный подход отличает творчество Романа Сенчина и Кристиана Крахта – знаковых представителей новейшей прозы. Нас будут интересовать особенности образа автопсихологического героя; в этом плане сопоставляются ранее не изучавшиеся связи современной русской и немецкой прозы на уровне поэтики, авторского мировидения. На примере повести «Минус» (2001) и романа «Дождь в Париже» (2018) Р. Сенчина, а также романов “Faserland” (1995) и “Eurotrash” (2021) Кр. Крахта автопсихологический герой анализируется как своеобразный двойник автора.

Ключевые слова: автопсихологический герой, автор и герой, Роман Сенчин, Кристиан Крахт, «Минус», «Дождь в Париже», “Faserland”, “Eurotrash”, двойник

Для цитирования: Ларина М.В. Автопсихологизм героя в современной русской и немецкой прозе (на материале произведений Р. Сенчина и Кр. Крахта) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 10. С. 181–190. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-181-190

The autopsychologism of the hero
in the modern Russian and German prose
(on the material of the works of R. Senchin and Chr. Kracht)

Maria V. Larina

*Dostoevsky Russian Christian Academy for the Humanities
Saint Petersburg, Russia, m_larina@yahoo.com*

Abstract. The article addresses the issue of the boundary between fiction and reality, which is increasingly viewed as markedly conditional in contemporary literature. Against such a background, the relationship between author and protagonist constantly become more complicated. The writer not only creates a text but also gets to be a part of his own mythology, within which the autopsychological hero functions. A similar approach distinguishes the work of Roman Senchin and Christian Kracht, the most important representatives of the latest prose.

The author will be interested in the specific characteristics of the autopsychological hero's image; in that regard, the previously unstudied connections between contemporary Russian and German prose at the level of poetics and the author's worldview will be compared.

Taking the example of the story "Minus" (2001) and the novel "Rain in Paris" (2018) by R. Senchin, as well as the novels "Faserland" (1995) and "Eurotrash" (2021) by Kr. Kracht, the autopsychological hero is analyzed as a kind of twin of the author.

Keywords: autopsychological hero, author and hero, Roman Senchin, Christian Kracht, "Minus", "Rain in Paris", "Faserland", "Eurotrash", twin

For citation: Larina, M.V. (2024), "The autopsychologism of the hero in the modern Russian and German prose (on the material of the works of R. Senchin and Chr. Kracht)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 181–190, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-181-190

Образ человека в современной литературе, его теоретическое осмысление открывают бескрайнее поле для научных изысканий. Особый интерес в этой области вызывает феномен взаимоотношений автора – создателя художественного произведения – и его героя, воплощающего в себе все противоречивые тенденции актуального общественного развития. Герой новейшей прозы и обобщен и предельно индивидуален одновременно. Такая двойственность образа достигается путем «вплетения» в ткань фиктивного нарратива фактов биографии автора и его личных переживаний – явление,

получившее в литературоведении название «автопсихологизм». Таким образом познавая себя, писатель осмысляет современную социальную действительность.

Итак, автопсихологизм – стратегия непосредственного внесения авторского опыта саморефлексии в художественную действительность, входящего, пользуясь терминологией М.М. Бахтина, как в «зону героя», так и в «зону автора» [Гнюсова 2008, с. 7]. Это феномен психологического родства между автором и его героем, когда личность создателя литературного произведения становится частью фиктивного нарратива. Соответственно, автопсихологический герой – носитель образа авторского «Я» в рамках произведения. В отечественной науке термин «автопсихологизм» был впервые употреблен в труде Л.Я. Гинзбург «О психологической прозе» (1971). Исследовательница описывает ситуацию, когда фактом литературы становятся не только авторский опыт, отразившийся в воспроизводимых образах, не только идея, вокруг которой формировался текст, но и личность автора, его создавшего. Гинзбург убедительно доказывает, что в творчестве отдельных писателей автобиографизм как таковой уступает место автопсихологизму: в автопсихологических произведениях на передний план выходит не столько совпадение жизненных реалий или биографий автора и героя, сколько их внутреннее психологическое родство [Гинзбург 2016, с. 13–14].

В современной словесности эта тенденция – одна из ведущих. Главным героем литературы последних десятилетий является сам автор. По замечанию Н.В. Ковтун, подобный подход в известной степени есть рефлексия на преодоление эстетики постмодернизма, на желание художника заявить о себе. Литература решает вопрос о собственном статусе в актуальной культурной парадигме, отсюда, в частности, интерес к теме письма, к образу «пишущего человека» [Ковтун 2022, с. 9]. Таким образом, создающий свой текст автопсихологический герой занимает особую нишу.

Цель настоящей статьи – выявить и сопоставить особенности формирования образов главных героев прозы знаковых современных художников – Р. Сенчина и Кр. Крахта. Выбор авторов для сопоставления обусловлен устойчивым тяготением обоих прозаиков к автопсихологическому герою, заостряющему актуальнейшие проблемы современности. Принадлежность писателей к разным национальным традициям – русской и немецкой – позволяет представить исследуемый тип героя в широкой парадигме новейшей европейской литературы. Особо интересен тот факт, что оба автора создают пары связанных произведений с разницей в несколько лет. Таковы повесть «Минус» (2001) и роман «Дождь в Париже»

(2018) Р. Сенчина, романы “Faserland” (1995) и “Eurotrash” (2021) Кр. Крахта.

Э. Шиллинг называет прозу, строящуюся вокруг образа автопсихологического героя, *Autofiktion*, выделяя его как особый метод наррации. Исследователь обозначает две важнейшие темы, объединяющие произведения *Autofiktion: Identität* и *Krankheit* (идентичность и болезнь в самом широком смысле). Интимность этих тем, их глубина требуют автопсихологического героя, навязчиво рефлексизирующее альтер-эго автора, позволяющее говорить о самом сокровенном. К *Autofiktion* исследователь относит в том числе и большинство романов Кр. Крахта, произведения которого не читаются безотносительно к личности их создателя [Schilling 2022, S. 278].

Сюжет романа “Eurotrash” представляет собой описание путешествия герра Крахта с психически больной, зависимой от алкоголя и фенобарбитала матерью по Швейцарии. Герой – известный немецкий писатель, 25 лет назад прославившийся своим романом “Faserland”, в котором он «представил себя этаким денди» и «не все, но кое-что приврал»¹. Путешествие имеет кольцевую композицию: начинается и заканчивается в психиатрической лечебнице под Цюрихом. Если Германия в “Faserland” имела адскую структуру со всеми соответствующими атрибутами, то Швейцария в “Eurotrash” – лабиринт, напоминающий загробные странствия души, когда ей показывают все места земной жизни.

Похожий мотив используется в романе «Дождь в Париже», о чем пишет Н.В. Ковтун:

«Дождь в Париже» имеет кольцевую композицию, его открывает и финализирует проход героя «по длинному рукаву, проложенному из самолета в аэропорт», как по Лабиринту в поисках собственного «я», что напоминает загробное странствие «души». <...> На всем протяжении полета, в Париж и обратно, Топкин находится в состоянии глубокого опьянения, мучительного сна/смерти, смещающем границы памяти [Ковтун 2023, с. 275–276].

В постоянном опьянении находятся «молодые» герои в романе “Faserland” и в повести «Минус».

Важное отличие романа “Eurotrash” заключается в том, что рассказчик вполне трезв. Пьяна и периодически умирает от передо-

¹ *Kracht Ch. Eurotrash // Ohleihe.de. URL: <https://www.onleihe.de/goethe-institut/frontend/mediaInfo,0-0-1593202828-200-0-0-0-0-0-0-0.html> (дата обращения 20 марта 2024). В дальнейшем текст цитируется по данному изданию.*

зировки его мать, чтобы потом снова воскреснуть и дать сыну наставления. В романе есть эпизод, где мать доказывает, что видит сына насквозь, она формулирует те мысли и мотивы поступков, которые он сам не решается озвучить. Ненормальность матери можно назвать специфическим «сумасшествием Гамлета», который Л. Баткин считает отзвуком карнавальской «глупости», способом уклониться от официальных условностей и понятий, увидеть мир «шиворот-навыворот», «то есть какой он на самом деле» [Баткин 2001, с. 411]. Мать и сын в ходе путешествия посещают могилу Борхеса в Женеве. Похожий прием Крахт использует в “Faserland”, когда герой ищет и не находит место погребения Т. Манна. В “Eurotrash” искомая могила найдена, и именно мать переводит сыну эпитафию – завещание великого предшественника: «Не бойся»².

Фигура аргентинского писателя важна для понимания концепции автопсихологического героя и ее роли в поэтике произведения. Если Кр. Крахт обращается к наследию Борхеса намеренно, то голос Р. Сенчина звучит в унисон интуитивно, в силу специфики творчества. Х.-Л. Борхес считается одним из первых писателей XX в., обратившихся к проблематике человеческой памяти. Ключевые мотивы творчества Борхеса – лабиринт, зеркало и мир, трактуемый как нескончаемая книга. Основные темы – противоречивость мира, время, одиночество, человеческий удел, смерть. Роману “Eurotrash” предпослан эпиграф: «Если ты любишь Германию, лучше не посещай ее». Это слова Борхеса, чей рассказ «Германский реквием» заканчивается следующими строками: «Я всматриваюсь в зеркало, чтобы понять, кто я и каким стану через несколько часов перед лицом смерти. Плоть моя может содрогнуться, я – нет»³. Именно через идею «зеркала» наилучшим образом прочитываются отношения автора с автопсихологическим героем.

По мысли Ж. Лакана, в детстве человек «захвачен средой», что позволяет лучше овладеть телом, но вносит изначальный раскол в психику индивида. Само Я человека оказывается отчуждено, поскольку, говоря «это я», ребенок указывает не на себя, а от себя, в сторону зеркального образа. Чуть позже он научится показывать на себя, интроецировав и присвоив этот образ, который Лакан назвал *другим*. Именно поэтому истории про двойников так задевают нас: все мы живем с бессознательным *другим*, вызывающим амбивалентные чувства любви-ненависти [Кудряшов 2006]. Этот «маленький другой», этот образ, есть автопсихологический герой – двойник

² Ibid.

³ Борхес Х.-Л. Deutsches Requiem // Литмир. URL: <https://litmir.club/br/?b=4104> (дата обращения 20 марта 2024).

автора (тоже образа, «внешней» части нарратива, направленной за пределы текста).

Еще одна составляющая *зеркала* – *Другой* – некоторая символическая структура, связанная с означающим. *Другой* – абстрактный символический порядок [Кудряшов 2006], в котором слова глубоко прочерчивают саму психическую реальность и представления о мироздании (примерно об этом говорит сокрушающийся об унаследованной из «глупых книг» и от интеллигентов-родителей «никчемности» Роман в повести «Минус»). Согласно Ю. Лотману, код и его история неразрывно связаны с художественным языком, который позволяет опосредовать бинарную картину мира идеологическим, политическим, художественным или иным контекстом [Лотман 2002]. По мнению С. Агранович, таким образом формируются конкретные модели языка культуры от архаического мифа и ритуала до стереотипов современного сознания. Одна из важнейших таких моделей – двойничество:

Внутри художественной структуры двойничества литература осваивает социальную действительность, сопрягая ее с воистину изначальными и вечными формами освоения мира человеческим сознанием, с оппозицией жизнь-смерть. Не случайно все сюжеты, где фигурируют двойники, связаны с темой смерти [Агранович, Саморукова 2001, с. 10].

Так, Андрей Топкин чувствует себя мертвым, мертв город Минусинск, омертвление же – ключевой мотив в творчестве Крахта (один из романов автора так и называется – «Мертвые»), отсюда специфический топос – кладбища, погреба, похожие на могилы комнатухи. Если говорить о динамике образа, то она происходит по следующему сценарию: «...сперва герой двоичен, потом его вторая часть становится самостоятельной» [Фрейденберг 1997, с. 210]. «Зрелый герой» Крахта – уже сам писатель, у Сенчина он получает свое собственное, отличное от авторского, имя и свободу ничего не делать. «Смертный герой» остается в «преисподней», т. е. в пространстве литературного произведения, а «живой» (автор) – «выходит к людям». К «мертвому двойнику» присоединяется пара других метафор: рабство и глупость (он – шут). А.М. Панченко определял двойничество как эксцесс, «жизнь как-нибудь» [Панченко 1984, с. 186]. Но если академик рассматривал это явление исключительно как «русскую проблему», то современная литература говорит о его всеохватности.

В связи с усложнением образа мира в актуальной литературе он все меньше может быть рассмотрен через призму примитивных

бинарных внутритекстовых оппозиций. Парная модель художественного исследования человека расшатывается, предлагая более сложные варианты соотношения «я–другой». Так рождается оппозиция образов «автор – автопсихологический герой». По классификации Агранович–Саморуковой эту пару «персонажей» (еще раз подчеркнем это понятие) можно отнести к типу близнецов. Такие двойники – всегда маргиналы, «причем общественная приниженность героев не всегда буквальна». Они могут быть «идиотами, парадоксалистами, шутами, провинциалами, бастрадами, эмигрантами и т. д.» [Агранович, Саморукова 2001, с. 11]. Маргинальность героев «Минуса» и “Faserland” очевидна, тогда как в более поздних произведениях она обозначена специфически: Топкин растерял все, что имел, и выброшен на обочину жизни. Его маргинальность, в первую очередь, внутренняя. В романе Крахта само вынесенное в заглавие понятие «евротреш» – термин, обозначающий богатых европейских экспатриантов в США, светских львов, стильных и состоятельных, не является уничижительным. Но в исследуемом контексте бросается в глаза второй корень слова – trash – «мусор», «хлам». Так рассказчик называет себя и свое окружение.

Данный тип двойничества соотносится и со спецификой авторской проблематики: близнецная пара связана с идеей общей судьбы, как правило, с идеей негативной соборности, когда коллектив в своей минимальной модели обречен на гибель [Агранович, Саморукова 2001, с. 11]. Сказанное позволяет поставить вопрос о связи близнецного двойничества с утопическим сознанием, которое и у Крахта, и у Сенчина может быть обращено как в прошлое (детство у бабушки в Минусинске), так и к абстрактной идее – проекции на будущее. Практически утопив безымянного протагониста посреди Боденского озера в “Faserland”, Крахт воскрешает его через 25 лет и развенчивает иллюзии прошлого: «благословенная Швейцария», к которой герой так стремился, – очередной замкнутый круг от психлечебницы к психлечебнице, а «исход» матери в «рай с зебрами» на самом деле – ее госпитализация, очевидно, последняя в жизни. В то же время недостижимый, воспетый европейским искусством Париж у Сенчина оборачивается сырым темным пространством, наполненным призраками. Автор дает герою свободу действия, в результате чего бездействие последнего достигает абсурда, тем самым подписывается приговор «маленькому человеку», «маленькому другому».

Специфика создания образа героя в исследованных текстах позволяет говорить об автопсихологизме как об основной стратегии писательского метода. Вступая во взаимоотношения с автором, становясь неотъемлемой частью авторской мифологии, автопсихо-

логический герой выступает в качестве двойника автора, образует с ним специфическую близнецную пару. Такая особенность поэтики позволяет углубить личностное начало в тексте, обобщить опыт саморефлексии и вывести его на общечеловеческий уровень.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

Acknowledgements

The study was carried out under a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00408, URL: <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>; Dostoevsky Russian Christian Academy for Humanities.

Литература

- Агранович, Саморукова 2001 – *Агранович С.З., Саморукова И.В.* Двойничество. Самара: Самарский университет, 2001. 132 с.
- Баткин 2001 – *Баткин Л.М.* Смех Панурга и философия культуры // Бахтин М.М. PRO ET CONTRA. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке рус. и мировой гуманитар. мысли: Антология. Т. 1. СПб., 2001. С. 398–412.
- Гинзбург 2016 – *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. О литературном герое. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.
- Гнюсова 2008 – *Гнюсова И.Ф.* Автопсихологизм как особый тип романного повествования У.М. Теккерея и Л.Н. Толстого // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2008. № 309. С. 7–11.
- Ковтун 2022 – Образ героя современности в прозе рубежа XX–XXI веков: Монография / Кол. авт.; отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: ФЛИНТА; Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2022. 260 с.
- Ковтун 2023 – *Ковтун Н.* In vino veritas, или об особенностях винопития в Кызыле и Париже (версия Р. Сенчина) // Сборник Матице Српске за славистику 103. Нови Сад: Матица Српска. Одељење за књижевност и језик, 2023. С. 271–286.
- Кудряшов 2006 – *Кудряшов И.* Что нужно знать, чтобы понимать Лакана // Литературный альманах «Ликбез». 2006. № 29. URL: http://www.lik-bez.ru/archive/zine_number496/zine_clever501/publication525 (дата обращения 10 марта 2024).

- Лотман 2002 – *Лотман Ю.М.* К проблеме типологии культуры // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 56–62.
- Панченко 1984 – *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с.
- Фрейденберг 1997 – *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 445 с.
- Schilling 2022 – *Schilling E.* ‘Authentische’ Autofiktion? Christian Krachts “Eurotrash” // *Zeitschrift für Germanistik*. 2022. Bd. 32. № 2. S. 278–289.

References

- Agranovich, S.Z. and Samorukova, I.V. (2001), *Dvoinichestvo* [Doppelgänger Duality], Samarskii universitet, Samara, Russia.
- Batkin, L.M. (2001), “Panurg’s Laughter and the Philosophy of Culture”, Bakhtin, M.M. *PRO ET CONTRA, Lichnost’ i tvorchestvo M.M. Bakhtina v otsenke rus. i mirovoi gumanitar. mysli: Antologiya* [Personality and works of M.M. Bakhtin in the assessment of the Russian and world humanitarian thought: Anthology], vol. 1, Saint Petersburg, Russia, pp. 398–412.
- Freydenberg, O.M. (1997), *Poetika syuzheta i zhanra* [Plot and Genre Poetics], Labirint, Moscow, Russia.
- Ginzburg, L.Ya. (2016), *Opsikholicheskoi proze. O literaturnom geroe* [On Psychological Prose. On the Literary Hero], Azbuka-Attikus, Saint Petersburg, Russia.
- Gnyusova, I.F. (2008), “Autopsychological analysis as a special type of L.N. Tolstoy’s and W.M. Thackeray’s novelistic narration”, *Tomsk State University Journal*, no. 309, pp. 7–11.
- Kovtun, N. (2023), “In vino veritas, or About the peculiarities of wine drinking in Kyzyl and Paris (R. Senchin’s version)”, *Matica Srpska Collection of Slavic Studies*, vol. 103, Novy Sad, Serbia, pp. 271–286.
- Kovtun, N.V. (ed.) (2022), *Obraz geroya sovremennosti v proze rubezha XX–XXI vekov* [Image of the Hero of Modern Times in the Prose of the Turn of the 20th–21st Centuries]. Monograph, FLINTA, Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf’eva, Moscow, Krasnoyarsk, Russia.
- Kudryashov, I. (2006), “What One Needs to Know to Understand Lacan”, *Literaturnyi al’manakh “Likbez”*, available at: http://www.lik-bez.ru/archive/zine_number496/zine_clever501/publication525 (Accessed 10 March 2024).
- Lotman, Yu.M. (2002), “On a Typology of Culture”, Lotman, Yu.M. *Istoriya i tipologiya russkoi kul’tury* [History and Typology of Russian Culture], Iskusstvo-SPB, Saint Petersburg, Russia, pp. 56–62.
- Panchenko, A.M. (1984), *Russkaya kul’tura v kanun petrovskikh reform* [Russian Culture on the Eve of Peter the Great’s Reforms], Nauka, Leningrad, USSR.
- Schilling, E. (2022), “ ‘Authentische’ Autofiktion? Christian Krachts, Eurotrash”, *Zeitschrift für Germanistik*, Bd. 32, no. 2, S. 278–289.

Информация об авторе

Мария В. Ларина, кандидат филологических наук, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия; 191023, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, д. 15; m_larina@yahoo.com

Information about the author

Maria V. Larina, Cand. of Sci. (Philology), Dostoevsky Russian Christian Academy for the Humanities, Saint Petersburg, Russia; bld. 15, Fontanka River Embankment, Saint Petersburg, Russia, 191023; m_larina@yahoo.com